

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русской и зарубежной литературы

Выпускная квалификационная работа

ТОПОНИМЫ И АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Работу выполнила:
студентка Z251 группы
направления подготовки
44.03.01 Педагогическое
образование, профиль «Русский
язык»
Дизер Ольга Юрьевна

(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»

Завкафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 20__ г.

Руководитель:
кандидат филол. наук, доцент
кафедры русской и зарубежной
литературы

Воловинская Марина
Владимировна

(подпись)

ПЕРМЬ
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СВОЕОБРАЗИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОСТОЕВСКОГО	9
Глава 2. СЕМАНТИКА АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ».....	15
Глава 3. ТОПОНИМЫ В РОМАНЕ «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ».....	36
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	42
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	44
ПРИЛОЖЕНИЯ	48

ВВЕДЕНИЕ

Уже при первом знакомстве с главными романами Ф. М. Достоевского обращает на себя внимание достаточно широкий круг действующих лиц и повышенная семантическая значимость их имен, отчеств и фамилий, зачастую крайне своеобразных. Не менее своеобразны в произведениях классика и географические названия, достаточно вспомнить название города, в котором происходит действие завершающего великое Пятикнижие романа «Братья Карамазовы» - Скотопригоньевск.

По утверждению С. Н. Булгакова, «имя выражает особый духовный тип, строение, разновидность человека». П. А. Флоренский считал, что вокруг имени «оплотняется наша внутренняя жизнь»: «по имени житие, а не имя по житию»; «...в художестве – внутренняя необходимость имен – порядка не меньшего, нежели таковая же именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответствующих имен. Художественные же образы - промежуточные степени такого самораскрытия имен в пространство произведения - то тело, в которое облекается самое первое из проявлений незримой и неслышной, недоступной ни восприятию, ни постижению, в себе и для себя существующей сущности – имя». Согласен с ним и С. Н. Булгаков: «Именованье есть акт рождения».

Еще А. Л. Бем отмечал системность выбора антропонимов Ф.М. Достоевского: «Там, где выбор имени кажется на первый взгляд совершенно случайным, при ближайшем рассмотрении проглядывает вполне сознательное отношение писателя» [Бем 1933: 415].

Антропонимы в произведениях Достоевского неоднократно привлекали внимание исследователей. В центре внимания ученых оказались в первую очередь его романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Подросток». К наиболее интересным исследованиям, не утратившим своей актуальности, можно отнести книгу М.С. Альтмана «Достоевский. По вехам имен» (1975), в которой комментируются наиболее часто используемые антропонимы (например, Софья, Елизавета, Мария), соотносятся имена персонажей с именами их прототипов, рассматриваются обмолвки и описки в именах собственных. Исследовательский интерес к проблеме имен собственных в произведениях Достоевского проявил и С.В. Белов. Свои наблюдения он обобщил в книгах «Имена и прототипы литературных героев Достоевского», «Имена и фамилии Ф. М. Достоевского». Суть подхода ученого к исследованию имен собственных у Достоевского заявлена уже в названии монографии — С.В. Белова, как во многом и М.С. Альтмана, интересуется соотношением героя и прототипа.

Именам собственным в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы» посвящена кандидатская диссертация «Ономастика романов Ф.М. Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы», где имена собственные проанализированы в лингвистическом аспекте (диссертация защищена по специальности «русский язык»). С литературоведческой точки зрения применительно к роману «Преступление и наказание» рассмотрена интересующая нас проблема в кандидатской диссертации Ма Вэньин «Антропонимика романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Важной задачей автора исследования стало определение того, как система антропонимических значений коррелирует с художественной системой романа в целом, насколько важную функцию она в ней выполняет.

Уже сделанный обзор показывает, что главное внимание исследователей было сосредоточено на романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Роман «Униженные и оскорбленные» с точки зрения

своеобразия имен собственных не рассматривался. Отдельные замечания относительно наименования персонажей были сделаны литературоведами попутно, в связи с решением других исследовательских проблем. Кроме того, предметом изучения литературоведов являлись преимущественно антропонимы, топонимам же специального внимания не уделялось. Этим обусловлена **новизна** нашей работы.

Актуальность работы обусловлена масштабом фигуры Достоевского, значимостью его творческого наследия для мировой культуры, устойчивостью литературоведческого интереса как к поэтике его произведений Достоевского, так и к проблемам литературной ономастики, а также особым местом, которое занимает роман «Униженные и оскорбленные» в творчестве писателя.

«Униженные и оскорбленные» – первое объемное произведение Достоевского. Его можно считать экспериментальным, поскольку многие художественные приемы, сюжетные линии и образы были детально разработаны писателем в последующих сочинениях. Достоевский показывает общество своего времени. Он возвращается к теме «бедных людей», к защите оскорбленных, униженных и обездоленных.

Повествование в «Униженных и оскорбленных» ведется от первого лица. Иван Петрович — начинающий бедный петербургский литератор, разночинец — является одновременно рассказчиком и действующим лицом романа. Образ этот отчасти носит автобиографический характер. Рассказ о литературном дебюте Ивана Петровича, восторженная оценка его первого романа «критиком Б.» (то есть Белинским), взаимоотношения молодого писателя с его «антрепренером» (издателем Краевским) — эти и некоторые другие факты восходят к биографии молодого Достоевского, автора «Бедных людей». Неожиданный и не объясненный в романе крах — после удачного дебюта — литературных надежд Ивана Петровича является также косвенным отражением биографии молодого Достоевского.

В «Униженных и оскорбленных» романист отказался от соблюдения строгого хронологического принципа, характерного для его последующих романов. Хронология романа, как это неоднократно отмечали исследователи, сбивчива, а исторический фон, на котором совершаются события, условен. Действие романа происходит в течение полутора лет, однако его начало приурочено к середине 1840-х гг., а в дальнейшем в романе упоминаются события и факты исторической, общественной и литературной жизни России вплоть до конца 1850-х.

Ироническое описание кружка «передовой» молодежи, собирающейся по средам «у Левеньки и Бореньки» — пример преднамеренного смещения Достоевским хронологических границ и сближения различных эпох. Проблемы отвлеченного философского характера, обсуждавшиеся в кружке Левеньки и Бореньки, заставляют вспомнить о «пятницах» М.В. Петрашевского, которые посещал молодой Достоевский в конце 1840-х гг. Споры же Алешиных друзей «по поводу современных вопросов» («Мы говорим о гласности, о начинающихся реформах, о любви к человечеству, о современных деятелях...») были характерны для разночинно-демократической среды конца 1850-х — начала 1860-х гг., в преддверии буржуазных преобразований России.

Смещение хронологии позволило Достоевскому создать произведение с более широким, чем предполагалось первоначально, охватом частной и общественной жизни России той эпохи, а также выразить мысль о преемственной связи в идейной и культурной жизни России 1840-х и 1850-х гг.

«Униженные и оскорбленные» — первый большой роман Достоевского после каторги. В нем отразилась идейно-художественная эволюция писателя, вынесшего из Сибири убеждение о трагической оторванности передовой русской интеллигенции от «почвы», неверие в революционный путь преобразования русской действительности.

Действие романа происходит в Петербурге, город изображен писателем достаточно подробно, упомянуты различные улицы, хорошо известные петербуржцам дома, поэтому роман дает интересный материал для размышления о специфике топонимов.

Таким образом, цель нашей работы — рассмотреть специфику употребления имен собственных в романе «Униженные и оскорбленные»

Для реализации этой цели мы ставим следующие задачи:

- выявить используемые Достоевским топонимы и антропонимы;
- выявить функции антропонимов в романе;
- соотнести антропонимы с характерами персонажей;
- систематизировать упоминаемые в романе топонимы, выявить круг ассоциаций, которые они вызывают.

Объектом нашего исследования является поэтика романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», **предметом** — функция имен собственных в романе.

Методология. В работе используется структурно-семантический метод, а также отдельные подходы, выработанные в рамках теории интертекстуальности.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении обосновывается выбор темы дипломной работы, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагается методология и степень изученности темы. Также во введении указаны материалы, которые послужили основой работы, и методы исследования. В первой главе рассматриваются общие особенности ономастики Достоевского с обращением к другим произведениям писателя. Вторая глава посвящена функционированию антропонимов в романе «Униженные и оскорбленные», третья — специфике топонимов в этом же романе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что наблюдения и выводы могут быть использованы на спецкурсе в школе или в качестве дополнительного материала при изучении творчества Достоевского (на обзорных уроках).

ГЛАВА I

СВОЕОБРАЗИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОСТОЕВСКОГО

В творчестве любого писателя имена собственные выстраиваются в определенную систему. Как писал В.В. Виноградов, «слова и выражения в художественном произведении обращены не только к действительности, но и к другим словам и выражениям, входящим в строй того же произведения. Правила и приемы их употребления и сочетания зависят от стиля произведения в целом. В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [Виноградов 1954: 20]. Достоевский не является в данном случае исключением.

Писатель всегда пытался выразить глубины человеческой души, в этом ему, в частности, помогали имена персонажей. Тынянов отмечал: «В художественном произведении нет неговорящих имен. В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно только способно» [Тынянов].

Достоевский тщательно обдумывал, проверял и менял имена, пока не находил то, что нужно. Он чутко реагировал на звуковой и смысловой характер имен. Писатель следовал укоренившейся русской традиции, когда благодаря употреблению при крещении преимущественно греческих имен их объяснение привыкли искать в православных церковных календарях. В библиотеке Достоевского был такой календарь, в котором давался перевод на русский язык имен общепринятых святых, с раскрытием их буквального смысла. Писатель, как предполагает С.В. Белов, часто заглядывал в этот календарь, давая символические имена своим героям. Легче всего это можно

проследить на именах Карамазовых. Имя Дмитрий свидетельствует о родстве его носителя с землей (богиня земли Деметра), в которой, как в хаосе, в стихии, смешано доброе и злое начало. Иван носит имя евангелиста Иоанна, евангелиста Логоса (греч. *logos* — слово; Евангелие от Иоанна начинается так: "В начале было Слово"), поскольку он логику любит больше жизни; Алеша — "ранний человеколюбец" (имя Алексей означает "защитник"), постоянно всех защищающий, назван так в честь любимого русского святого — Алексея, человека Божьего, и это тоже соответствует его жизненному призванию.

Из фамилий героев Достоевского самая загадочная — Ставрогин. Первоначально на выбор фамилии главного героя романа «Бесы» Ставрогина могли повлиять, по-видимому, родственники писателя — двоюродные сестры и братья Ставровские, причем они много лет боролись с Достоевским за наследство его тетки А. Ф. Куманиной и писатель относился к ним явно негативно. "Ставровские — все это одного корня народ, мошенники, надувалы и валеты», — писал Достоевский своей жене 24 августа (5 сентября) 1879 г.

Но писатель сделал фамилию своего героя и символической. Корень фамилии Ставрогин в переводе с греческого означает «крест» Ставрогин — человек, вознесшийся на крест, добровольно выбравший распятие, чтобы испытать свою силу и доказать себе, что он властен над своей судьбой. Как и Христос, он поднят на кресте над остальными и притягивает их к себе. Все остальные герои «Бесов» вращаются вокруг него. Но в отличие от Христа его распятие кончается смертью, а не воскресением, так как распятие Ставрогина было проявлением его самовольства, дерзким вызовом Богу. Исследователи не раз отмечали связь фамилии Ставрогина с греческим словом «крест», однако нужно сказать, что связь эта все же завуалированная и такое истолкование фамилии главного героя романа «Бесы» является следствием литературоведческих интерпретаций и не может быть признана бесспорной.

Иногда смысл образа героя заложен в самой фамилии: Петр

Верховенский и Шатов в «Бесах», Грушенька Светлова и Катерина Ивановна Верховцева в «Братьях Карамазовых», Раскольников и Разумихин в «Преступлении и наказании». Здесь писатель сам дает читателю подсказку: Лужин по ошибке называет Разумихина Рассудкиным, Шатов «шатается», не может найти твердую веру и потому обречен на гибель. Недаром в заметках к «Бесам» Достоевский записывает: «Шатость во всем двухсотлетняя». Раскольников переживает внутренний раскол. Однако С.В. Белов дает более сложное и в то же время спорное объяснение фамилии Раскольников, он пишет: «Раскольников "раскалывает" породившую его мать-землю, родину (имя Родион), а если брать отчество, то вполне возможно прямое толкование: раскол родины Романовых (отчество: Романович)» [Белов 2004: 42]. Такое объяснение вызывает сомнение, но характерно, что именно романы Достоевского побуждают размышлять над смыслом антропонимов и искать им какое-то символическое истолкование.

Еще один принцип названия персонажей — отсылка к известным личностям или персонажам других произведений. Ярким примером здесь является главный герой романа «Идиот». Даже неискушенный читатель не может не вспомнить, что Львом Николаевичем звали Толстого, великого современника Достоевского, его собрата по перу и в то же время постоянного оппонента. Фамилией, именем и отчеством Лев Николаевич Мышкин Достоевский мог окликнуться на антицерковное учение Льва Николаевича Тостого, зародыш которого он мог гениально увидеть уже в «Воне и мире». С другой стороны, фамилия эта могла быть связана и с Мышкинским уездом, так как во время работы над «Идиотом» разбиралось нашумевшее уголовное дело одного крестьянина Мышкинского уезда Ярославской губернии, зарезавшего мещанина Сулова за часы, причем сделал он это будто бы со словами: «Господи, прости, Христа ради». Об этом случае в романе Лев Николаевич Мышкин рассказывает Рогожину. Но не исключено, что, создавая пушкинского «рыцаря бедного» — Льва Николаевича Мышкина, Достоевский вспомнил племянника Пушкина — Льва Николаевича

Павлищева, с которым писатель был знаком. В романе «Идиот» фамилию Павлищев носит благодетель Мышкина. Таким образом, мы видим, что любое имя в романах Достоевского, даже кажущееся поначалу очевидным, имеет разные объяснения.

Часто Достоевский прибегает к именам и фамилиям, используя одновременно звуковую и смысловую ассоциации. Такой, например, является фамилия героя "Преступления и наказания" Свидригайлова, взятая писателем из истории Литвы (Швидригайло-Свидригайло — великий князь литовский). Напомним, что Достоевский происходил из старинного литовского рода, представители которого с XVI в. упоминаются в различных документах юго-западной Руси. Фамилия Свидригайлова отражает также страстную, полную внутренних изворотов личность этого персонажа. Как считает С.В. Белов, страстность и изворотливость чувствуется даже в звуках этой фамилии, хотя данное утверждение, как и многие выводы этого автора, достаточно спорно.

Еще Ю. Тынянов в свое время отметил в книге «Достоевский и Гоголь. К теории пародии» прием звукового повтора в подборе имен трех сестер Епанчиных в «Идиоте»: Александра, Аделаида, Аглая, а звуковой упор на «р» создает впечатление рокочущего звука: ра-ра-ра в имени, отчестве и фамилии главного героя «Преступления и наказания»: Родион Романович Раскольников.

В заключение нужно остановиться на случаях многократного использования одного и того же имени в произведениях, что может подчеркивать внутреннюю связь между персонажами. Например, особое место в романах Достоевского принадлежит «кротким» женщинам, носящим имя Софии — премудрости (греч.). София Андреевна (мать Подростка), София Ивановна (мать Ивана и Алеши), София Матвеевна Улитина (ангел-хранитель последних дней Степана Трофимовича в "Бесах"), наконец, Соня Мармеладова — все они смиренно несут крест, выпавший на их долю, но верят в конечную победу добра. Недаром Сонечка Мармеладова жила в квартире портного Капернауова, фамилия которого образована от

известного евангельского города Капернаум, где часто бывал Христос. Нечто аналогичное мы можем сказать об имени Елизавета (Лизавета). По наблюдению М.С. Альтмана, в творчестве Достоевского есть три юродивых Елизаветы: в «Бесах» (о ней рассказывает Марья Лебядкина), в «Братьях Карамазовых» и в «Преступлении и наказании».

Таким образом, в выборе Достоевским антропонимов для своих произведений существуют определенные закономерности. Такие закономерности труднее выявить, когда мы обращаемся к топонимам, встречающимся на страницах романов и повестей Достоевского. Как и другие писателя, Достоевский вводит в свои тексты как вымышленные топонимы (самым запоминающимся является название Скотопригоньевск). При этом, как отмечает Н.А. Азаренко «иносказательный характер, тем не менее, присущ и тем, и другим, разница лишь в том, что придуманные названия, в отличие от реальных, например Петербурга, эксплицитно выражают метафоричность, в то время как реальные – только имплицитно» [Азаренко 2012: 187]. Например, не может не иметь метафорического прочтения и тот факт, что возрожденная, преображенная героиня романа «Братья Карамазовы» Аграфена Александровна Светлова жила «близ **Соборной** площади».

Итак, назовем основные особенности выбора имен собственных у Достоевского.

Во-первых, писатель обращал внимание на значения имени, сверяясь с православным календарем, в котором давался перевод на русский язык имен общепринятых святых.

Во-вторых, иногда смысл образа героя был заложен в самой фамилии. Это могло делаться прямо (Шатов, Разумихин) или завуалированно (Ставрогин).

В-третьих, имена и напоминают читателю о реально существующих людях или персонажах других произведений (Лев Николаевич Мышкин).

В-четвертых, для писателя был важен звуковой образ слова.

В-пятых, как вымышленным, так и реальным топонимам присущ иносказательный характер.

ГЛАВА 2

СЕМАНТИКА АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ

«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

В романе «Униженные и оскорбленные» мы не встречаем случаев «говорящих фамилий», аналогичных тем, которые использовали в своих произведениях классицисты или писатели-сатирики более поздних эпох. Однако Достоевский, как и любой крупный писатель, выбирает имена и фамилии для своих персонажей не случайно, поэтому есть смысл вдуматься в их семантику и соотнести имя героя с его характером и сюжетной функцией.

Например, разгадка имени и фамилии главного антигероя романа князя Валковского неоднократно привлекала внимание литературоведов, хотя размышления о том, чем обусловлен выбор имени персонажа, приводились в исследованиях попутно, в связи с другими проблемами, не становясь предметом специального исследования.

Прежде чем рассуждать о семантике имени героя, дадим ему краткую характеристику. Валковский, как пишет К.В. Мочульский, - самый важный герой романа: «все скрытые пружины действия в его руках, его злая воля определяет судьбу всех персонажей <> Князь — типичный злодей мелодрамы, необходимая принадлежность авантюрного романа-фельетона. И в конце романа он торжествует» [Мочульский 1995; 321]. Мочульский называет Валковского «злодеем под маской добродетели», и с этим трудно не согласиться. Несчастья, обрушивающиеся на героев романа, имеют своей причиной именно Валковского. Он насмехается над Иваном, который всегда стоит на стороне слабого, который протягивает руку помощи даже отвергнувшей его Наташе. Валковский говорит ему: «Вы — филантропы по Шиллеру, вы полагаете, что нет для человека более высокого предназначения, чем постоянно помогать другим; но на самом деле вы играете недостойную пьесу, поскольку выставляете напоказ свое великодушие и мне это надоело; моя же истина заключается в том, что есть личность, «это я сам. Всё для

меня, и весь мир для меня создан. Послушайте, мой друг, я еще верую в то, что на свете можно хорошо пожить. А это самая лучшая вера...».

Исследователи отмечают связь Валковского с героями предшествующих и последующих произведений писателя. Предтечами князя Валковского в раннем творчестве Достоевского в какой-то мере были помещик Быков («Бедные люди») и сладострастник Юлиан Мастакович («Петербургская летопись», «Елка и свадьба»). В дальнейшем развитие этот тип получил продолжение, с одной стороны (как сладострастник, идеолог цинизма), в образах Свидригайлова («Преступление и наказание»), отца Карамазовых («Братья Карамазовы»), с другой (как «сверхчеловек»), в образе Раскольникова («Преступление и наказание»), Ивана Карамазова («Братья Карамазовы»). А наиболее полное и всестороннее развитие тип этот получил в образе Николая Ставрогина из романа «Бесы». В. Г. Одинокоев воспринимает Валковского «одним из ранних представителей “бесовского” начала» у Ф. М. Достоевского и отмечает, что на примере князя наглядно показано, к чему приводит одержимость желанием главенствовать в жизни и убежденность в праве первенства. Валковский «увенчивает» себя через «оплевание человека».

Первое, что обращает на себя внимание, при анализе фамилии, - это то, что она характерна для героя-аристократа, не случайно фамилия обычно употребляется в романе вместе с титулом. Валковский постоянно именуется в произведении князем, что становится частью его романного имени и играет немаловажную роль в сюжете, однако даже без указания на титул в тексте романа, уже по самой фамилии мы можем предположить, что перед нами потомок аристократического рода. Однако фамилия имеет и более конкретные объяснения. Создавая тип циничного и сладострастного аристократа в мещанстве, Достоевский, возможно, использовал разнообразный и пестрый исторический, литературный, биографический материал, радикально его переработав и преобразив. Р. Г. Назиров выдвинул

предположение, согласно которому реальным историческим прототипом Валковского послужил князь П. М. Волконский, устроитель сердечных дел императора Николая I. Такой принцип называния героев был достаточно распространен в литературе. В этой связи можно вспомнить, например, фамилию Болконские из «Войны и мира», явно отсылающей читателей к фамилии Волконские, из рода которых происходил сам писатель.

Однако такое объяснение фамилии Валковский далеко не единственное. Стоит прислушаться к мнению тех исследователей, которые подходят к истолкованию имени героя со стороны этимологии и обращают внимание на то, что фамилия вызывает ассоциацию со словом «волк». Автор стремится создать портрет аристократа, приспособившегося к буржуазным нравам, хищника новой формации. При этом определение «хищник» как нельзя кстати подходит Валковскому, ведь его красивое лицо производит на окружающих впечатление искусно выполненной маски. Так, повествователь Иван Петрович рассуждает: «Говорили про него, что он — всегда такой приличный и изящный в обществе — любит иногда по ночам пьянствовать, напиваться как стелька и потаенно развратничать, гадко и таинственно развратничать <...>. Он производил на меня впечатление какого-то гада, какого-то огромного паука, которого мне ужасно хотелось раздавить. Он наслаждался своими насмешками надо мною; он играл со мной, как кошка с мышью, предполагая, что я весь в его власти. Мне казалось (и я понимал это), что он находил какое-то удовольствие, какое-то, может быть, даже сладострастие в своей низости и в этом нахальстве, в этом цинизме, с которым он срывал, наконец, передо мной свою маску. Он хотел насладиться моим удивлением, моим ужасом. Он меня искренно презирал и смеялся надо мною...». Это порождает ассоциации с известной пословицей про волка в овечьей шкуре и подтверждается замечанием М. С. Альтмана, упомянувшего, что в рукописи Ф. М. Достоевского имеется и другой вариант написания фамилии - «Волковский». К слову сказать, именно такое написание применительно к герою избирает в своей книге и К. В. Мочульский. Тем не

менее нам кажется не случайным, что Достоевский меняет в окончательном варианте написание на Валковский, делая тем самым фамилию менее очевидной. Думается, что писатель специально старался избегать классицистической прямолинейности, анализ других антропонимов, о которых мы скажем ниже, подтверждает это предположение

Стоит, думается, остановиться не только на фамилии персонажа, но и на его имени Петр. Все персонажи с именем Пётр, по замечанию М.С. Альтмана, являются у Достоевского отрицательными. Неприглядные качества персонажей по имени Петр не связаны с семантикой имени напрямую, но все же имеет смысл напомнить, что Петр переводится с греческого как «камень», что трактуется автором «Униженных и оскорбленных» как препятствие на пути «живой жизни». Интриги Петра Валковского действительно становятся препятствием на пути героев к счастью. Трудно сказать, действительно ли писатель обращал внимание на семантику имени Петр, но перечисление персонажей с этим именем (Петр Петрович Лужин, Петруша Верховенский, Петр Петрович Клиневич из рассказа «Бобок», замешанный в подделке государственных ассигнаций, Петр Миусов из «Братьев Карамазовых») показывает, что в художественном мире Достоевского у имени Петр коннотация отрицательная. Стоит обратить внимание также на рассуждения М.С. Альтмана об отношении Достоевского к фигуре Петра I. По мысли Достоевского, нигилизм в России ведет свое начало от Петра Великого, и сам Петр — первый русский нигилист. В письме К К.П. Победоносцеву Достоевский так и пишет: «Культуры у нас нет....а нет через нигилиста Петра Великого». В уста Петруши Верховенского, героя романа «Бесы», Достоевский вкладывает слова: «Мы последствие Петра Великого». Петра Валковского из романа «Униженные и оскорбленные» тоже можно назвать моральным нигилистом, он не стесняется своей безнравственности, а, наоборот, нарочито выставляет ее на показ, считая, что любой человек низок по своей природе, но только некоторые это искусно скрывают: «Вот что, мой поэт, хочу я вам открыть одну тайну природы,

которая, кажется, вам совсем неизвестна. Я уверен, что вы меня называете в эту минуту грешником, может быть, даже подлецом, чудовищем разврата и порока. Но вот что я вам скажу! Если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться. <...> вы меня обвиняете в пороке, разврате, безнравственности, а я, может быть, только тем и виноват теперь, что откровеннее других и больше ничего; что не утаиваю того, что другие скрывают даже от самих себя, как сказал я прежде... Это я скверно делаю, но я теперь так хочу. <...> Есть особое сладострастие в этом внезапном срыве маски, в этом цинизме, с которым человек вдруг выказывается перед другим в таком виде, что даже не удостоивает и постыдиться перед ним. <...> Все для меня, и весь мир для меня создан. Послушайте, мой друг, я еще верую в то, что на свете можно хорошо пожить. А это самая лучшая вера, потому что без нее даже и худо-то жить нельзя: пришлось бы отравиться. <...> Я, например, уже давно освободил себя от всех пут и даже обязанностей. Я считаю себя обязанным только тогда, когда это мне принесет какую-нибудь пользу».

Одной из главных жертв Петра Валковского становится Нелли Смит. Эта героиня вписывается в ряд созданных Достоевским образов страдающих детей. Уже портрет Нелли, данный писателем при первом появлении героини на страницах романа, свидетельствует о том, насколько тяжела ее жизнь: «Я разглядел её ближе. Это была девочка лет двенадцати или тринадцати, маленького роста, худая, бледная, как будто только что встала от жестокой болезни. Тем ярче сверкали её большие чёрные глаза. Левой рукой она придерживала у груди старый, дырявый платок, которым прикрывала свою, ещё дрожавшую от вечернего холода, грудь. Одежду на ней можно было

вполне назвать рублищем; густые чёрные волосы были неприглажены и всключены...» Начиная с «Бедных людей» и кончая «Дневником писателя», Достоевский показал немало детей с искалеченными судьбами. Пристрастие к изображению детских страданий и смертей составляет одну из характерных особенностей творчества писателя. Нелли находится в одном ряду с Лизой («Вечный муж»), Илюшей («Братья Карамазовы»), девочкой-женой («Кроткая») — в том смысле, что Достоевский с присущим ему «жестоким талантом» изображает страдания маленьких и слабых существ. При этом дети у Достоевского часто умеют понимать психологию взрослых лучше самих взрослых; они способны противостоять отчаянию, с которым сами взрослые не могут справиться; в них таится такая горячая любовь, которую не испытывают взрослые.

Нелли из «Униженных и оскорбленных» именно такова, но даже среди аналогичных героинь и героев она выделяется своей «недетскостью». В романе имеются сцены, где она не знает, как выразить свои чувства по отношению к Ивану — первому мужчине, который отнесся к ней по-доброму. В результате она выражает свою любовь в форме враждебности и даже пытается убежать от него. Поведение Нелли — такое «темное» и такое буйное — сильно отличается от того, что мы привыкли видеть в литературе, описывающей девочек.

Романное имя этой странной героини в сочетании тоже отличается своей необычностью — в первую очередь обращает на себя внимание его иностранное происхождение. Фамилия Смит у Нелли и ее бабушки объясняется английскими корнями (дед Нелли был англичанином, владельцем фабрики до тех пор, пока его не разорил князь Валковский с помощью подлых интриг). Впрочем, в процессе развития сюжета мы узнаем, что родным отцом Нелли был князь Валковский, у матери Нелли, умершей от чахотки, были документы, доказывающие это. Поэтому героиню именуют в работах, посвященных роману, как Нелли Смит, так и Нелли Валковская.

Размышление над именем этой героини отсылает нас к романам Диккенса и Вальтера Скотта, таким образом имя актуализирует в сознании читателя интертекстуальные связи (с такой функцией имен у Достоевского мы встретимся и в дальнейшем). В первую очередь мы обращаем внимание на то, что Достоевский позаимствовал имя у героини Диккенса «Лавка древностей». Тот факт, что совпадение имен не случайно, можно подтвердить особым вниманием Достоевского к этому произведению. Дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская вспоминала, что ее отец, «забывший фамилию своей жены и лицо своей возлюбленной, помнил все имена героев Диккенса и Вальтера Скотта, произведших на него впечатление в юности» [Достоевский в изображении его дочери 1922: 91].

О том, какое сильное впечатление на Достоевского произвели образы дедушки и внучки из «Лавки древностей» можно судить, в частности, по записи в «Дневнике писателя»: «Диккенс создал «Пиквика», «Оливера Твиста» и «Дедушку и внучку» в «Лавке древностей»». Так, мы видим, что из всего романа, достаточно большого по объему и многогеройного, писатель выделяет именно образы Нелли и ее деда. А в «Подростке» устами Ламберта говорит о них: «Помните вы...там одно место в конце, когда они — сумасшедший старик и эта прелестная тринадцатилетняя девочка, внучка его...приютились, наконец, где-то на краю Англии близ какого-то готического средневекового собора...Знаете, тут нет ничего такого в этой картине, у Диккенса, совершенно ничего, но это вы ввек не забудете, и это осталось во всей Европе» [Достоевский]. Все это доказывает неслучайность выбора имени героини и сознательность отсылки к роману Диккенса. Кроме того, на имени героини в романе делается специальный акцент. При первом знакомстве с повествователем Иваном Петровичем девочка отказывается называть свое имя. На вопрос, как ее зовут, она отвечает: «Не надо; ничего... никак не зовут», но потом представляется как Елена. Именно так Иван Петрович называет ее на протяжении первых глав, правда постепенно заменяя официальное Елена, на уменьшительно-ласкательное Леночка. И

только в 11 главе происходит такой диалог:

« -- Легче ли тебе? -- спросил я, -- чувствительная ты моя Леночка, больное ты мое дитя?

-- Не Леночка, нет... -- прошептала она, всё еще пряча от меня свое личико.

-- Не Леночка? Как же?

-- Нелли. -- Нелли? Почему же непременно Нелли? Пожалуй, это очень хорошенькое имя. Так я тебя и буду звать, коли ты сама хочешь.

-- Так меня мамаша звала... И никто так меня не звал, никогда, кроме нее... И я не хотела сама, чтоб меня кто звал так, кроме мамашы... А вы зовите; я хочу». Сам Иван Петрович рассуждает о том, что ему надо было заслужить право называть Елену Нелли, то есть разрешив называть себя Нелли, девочка открылась перед Иваном Петровичем, показала ему свою внутреннюю суть. Наличие двойного имени героини, думается, не случайно, оно подчеркивает противоречивость ее натуры, сочетающую в себе ангельскую чистоту и озлобленность, обиду на весь мир, недоверие к людям. Вопреки естественной в детские годы открытости окружающему, девочка замыкается на себе, постоянно ожидая ударов судьбы и жестокости людей. Это извращает природный свет и доброту ее души (Елена – от греч. «светлая»). Запуганный и затравленный ребенок отгораживается от мира.

Сопоставительный анализ сюжетных ситуаций романов Диккенса и Достоевского показывает, что история Нелли Валковской (Смит) в "Униженных и оскорбленных" повторяет судьбу Нелл Трент из "Лавки древностей". В "Униженных и оскорбленных" заимствовано оттуда много сюжетных элементов: первая встреча Нелли с рассказчиком происходит далеко от ее дома (как и у Нелл со старым Хамфри). Оба рассказчика заинтересовываются и принимают живое участие в судьбах девочек, которые оказываются одинаково печальными. Матери обеих Нелли рождаются в роскоши, но выходят замуж по любви, убегая от отца. Потерявший любимую дочь отец опускается и разоряется, не вынося такого тяжелого удара. Сразу после рождения ребенка молодой супруг умирает, оставляя мать на грани

нищеты. К началу романного действия девочки остаются уже и без матери: Нелл Трент - на попечении дедушки, Нелли Валковскую - совсем одна. Им приходится много странствовать, приобретая печальный жизненный опыт и встречаясь с недоброжелательными или даже страшными людьми. В конце произведений обе они умирают от чахотки, не вынеся тягот бедности и обид, выпавших им на долю. Вокруг этого трагического факта в обоих романах сплетается таинственная интрига: у несчастных девочек имеется невидимый покровитель, постоянно следящий за их судьбой, но тщетно старающийся их разыскать, чтобы помочь в дни тяжелых жизненных испытаний и спасти от нищеты (старший брат Трента, Маслобоев). Но героини все время вынуждены скрываться, так как их разыскивает также и недоброжелатель, которому нужно устранить их, чтобы лишиться богатого наследства (Даниел Квилп, князь Валковский). Поэтому спаситель находит их слишком поздно, когда дни героинь сочтены. В конце они окружены любящими людьми, заботой и комфортом - тем, чего им так мучительно не хватало всю их короткую жизнь. Умирают обе героини на природе, при лучах заходящего солнца, как бы сливаясь с природной гармонией. Смертное ложе Нелл было осыпано зелеными листьями, нарванными с мест ее любимых прогулок. Комната Нелли заставлена ее любимыми цветами, и в свои последние дни она долго смотрит на густую зелень сада.

· Если сравнить диккенсовскую Нелли Трент с Нелли Валковской, то мы увидим, что у диккенсовского образа сильнее романтическая окраска и реальные черты подменяются идеальными, "ангельскими". Этому образу веришь только потому, что правдоподобны все бедствия и несчастья, в которые попадает Нелл. У Достоевского же образы куда сложнее и парадоксальней (к примеру, христианская жалость и забота Сони об опустившемся Мармеладове вызывает в памяти крошку Доррит, работающую день и ночь, чтобы прокормить сидящего в долговой тюрьме отца, но Диккенс никогда бы не отправил свою ангельски чистую крошку Доррит на панель.) Так же и Нелли Валковская, в отличии от диккенсовской героини,

озлоблена на весь мир, разуверилась в людях, не верит больше ничему хорошему в них и с болезненной гордостью отказывается от всякой помощи. Она не хочет никому быть обязанной ("Я сама злая и злее всех"). Внешне выглядит она худой, бледной, исключенной, говорит хриплым голосом. Поначалу она всячески скрывает от Ивана Петровича свое местожительство и жестокое обращение с ней хозяйки, хотя он единственный, кто может ей помочь (что отсылает нас к еще одному диккенсовскому персонажу: маленькой служанке Брассов из "Лавки древностей", с которой невероятно жестоко, до побоев обращалась Салли Брасс, но та никогда ни с кем не говорила об этом). Природная доброта, жгучая потребность в любви и ласке борется в ее душе с болезненной недоверчивостью, что часто выливается в припадки истерии. Самозабвенная преданность уживается у нее с потребностью мучить любимого человека, чтобы чувствовать себя затем бесконечно виноватой перед ним (вспомним ее взаимоотношения со старым доктором или с Иваном Петровичем). То есть, происходя от диккенсовских героинь, образ Нелли является в то же время типично "достоевским", открывая галерею "изломанных" женских характеров в творчестве Достоевского (за которым последуют Катерина Ивановна Мармеладова, Настасья Филипповна, Лизавета Тушина из "Бесов", Лиза Хохлакова из "Братьев Карамазовых").

Скажем теперь несколько слов про деда Нелли — Иеремею Смита. В нем нет жалости, сострадания, свойственных истинным христианам: он проклинает дочь и соглашается ее простить, лишь узнав, что она при смерти, но не застает ее в живых. Таков печальный итог безрассудного упрямства и злопамятства. Думается, что не плодотворно искать связь характера персонажа и буквальной семантикой его фамилии. Так, М.В. Поник пишет: «Непомерная гордыня стала причиной несчастья и родных, и самого героя, не дав ему как кузнецу (англ. smith – «кузнец»), отмеченному Творцом, шанс выковать собственное счастье» [Поник 2014:102]. Вряд ли буквальный перевод фамилии Смит с английского языка был важен для Достоевского в

данном случае. Думается, для автора важно лишь то, что персонаж носит фамилию традиционную для англичан, но экзотическую для России, что выделяет его среди окружающих и привлекает к нему дополнительный интерес. Безусловно, привлекает внимание и имя старика — Иеремия. Иеремия – второй из четырех великих пророков Ветхого Завета. В переводе с древнееврейского имя персонажа означает «возвышенный Богом». В.Е. Ветловская замечает по этому поводу: «Уж если самый униженный из людей оказывается возвышенным Богом, то, – стало быть, возвышены на самом деле они все. Это обстоятельство яснее других подчеркивает парадоксальную обращенность мира, изображенного в “Униженных и оскорбленных”». Несмотря на то, что обращение к переводу имени с языка оригинала не всегда помогает понять авторский замысел, это замечание исследовательницы представляется нам интересным.

Интертекстуальные отсылки содержит не только имя Нелли, но и имена других персонажей романа, в частности, Ивана Петровича, от имени которого ведется повествование. Литератора Иван Петровича читатель встречает ожидающим скорой смерти в больничной палате за сочинением записок, где восстанавливаются события минувшего года. В образе беллетриста Ф. М. Достоевский, как известно, выводит отчасти самого себя в прошлом. Фигура литературного героя сходна с реальным сочинителем не только творческой биографией, а и отдельными чертами характера, внешности и даже манерой работать.

В образе мемуариста, однако, нетрудно разглядеть и приметы другого, в данном случае литературного, прототипа – непритязательного рассказчика из пушкинских повестей Ивана Петровича Белкина. Неслучайность совпадения имени-отчества обоих персонажей подтверждается дополнительными сообщениями, которые делают о них авторы. Показателен, к примеру, факт, что пушкинский Иван Петрович покинул мир молодым, оставив множество рукописей, частью уцелевших, а частью употребленных его ключницей на

разные домашние потребности (все окна ее флигеля были заклеены страницами неоконченного романа). Подобная участь – «наследство фельдшеру; хоть окна облепит <...> когда будет зимние рамы вставлять» – уготована и запискам умирающего литератора в «Униженных и оскорбленных». Общность имен рассказчиков пушкинского произведения и романа Достоевского нацеливают на поиск других параллелей между «Повестями Белкина» и «Униженными и оскорбленными». Сопоставив эти тексты, М.С. Альтман делает вывод: «Суммируя все вышесказанное, мы можем заключить, что основными своими линиями:

сюжетом — сказ о блудной дочери;

композицией — двупланная структура, один сюжет, обрамляющий другой;

основной идеей — русское решение проблемы, противопоставленное разрешению «немецкому»;

тождеством имени и отчества обоих рассказчиков и целым рядом деталей и характерных подробностей;

уходом героинь из отчего дома под предлогом отправления в церковь;

ранняя смерть обоих авторов и одинаковая участь их «записок» - оба произведения Пушкина и Достоевского представляют исключительную близость» [Альтман 1975: 31]. В нашу задачу не входит подробное сопоставление произведений, мы хотели лишь показать интертекстуальную функцию имени Иван Петрович.

Однако эта функция не единственная. По предположению М. С. Альтмана, в образе Ивана Петровича у Ф. М. Достоевского могли найти отражение не только литературные реминисценции, а и реальные воспоминания о его современнике, собрате по перу Я. П. Буткове. Талантливый самоучка, представитель «натуральной школы», Бутков был хорошо знаком Ф. М. Достоевскому. Постоянная денежная нужда не дала дарованию Якова Петровича (отчество героя Ф. М. Достоевского, как видим,

совпадает с патронимом автора сборника «Петербургские вершины») раскрыться в полной мере. То же происходит и с персонажем романа «Униженные и оскорбленные». Он умирает одиноким в палате для нищих одной из петербургских больниц, что позволяет дополнительно аргументировать предложенную параллель. «Для отношения Достоевского к Буткову показательно, что он хранил его образ в своей памяти долгие годы, и уже после каторги из Сибири, узнав о смерти Буткова <...> пишет брату Михаилу Михайловичу, что ему жаль бедного Буткова, которому дали умереть в больнице».

Интертекстуальные отсылки содержат и имена некоторых упоминаемых, но не изображенных подробно персонажей. Так, в монологе Алеши, с увлечением рассказывающего Наташе о своих новых знакомствах и впечатлениях, появляются имена Левеньки и Бореньки, заставляющие вспомнить монолог Репетилова из «Горе от ума», где упоминаются некие Левон и Боренька:

Еще у нас два брата

Левон и Боренька — чудесные ребята,

Об них не знаешь, что сказать (действие IV, явление 4)

Алеша с подлинно репетиловским восторгом говорит: «У Кати есть два дальние родственника, какие-то кузены, Левенька и Боренька, один студент, а другой просто молодой человек. Она с ними имеет сношения, а те -- просто необыкновенные люди! К графине они почти не ходят, по принципу. Когда мы говорили с Катей о назначении человека, о призвании и обо всем этом, она указала мне на них и немедленно дала мне к ним записку; я тотчас же полетел с ними знакомиться. В тот же вечер мы сошлись совершенно. Там было человек двенадцать разного народу -- студентов, офицеров, художников; был один писатель... они все вас знают, Иван Петрович, то есть читали ваши сочинения и много ждут от вас в будущем. Так они мне сами сказали. Я говорил им, что с вами знаком, и обещал им вас познакомить с ними. Все они

приняли меня по-братски, с распростертыми объятиями. Я с первого же разу сказал им, что буду скоро женатый человек; так они и принимали меня за женатого человека. Живут они в пятом этаже, под крышами; собираются как можно чаще, но преимущественно по средам, к Левеньке и Бореньке. Это всё молодежь свежая; все они с пламенной любовью ко всему человечеству; все мы говорили о нашем настоящем, будущем, о науках, о литературе и говорили так хорошо, так прямо и просто» [Достоевский].

Раскрывая заявленную тему нельзя не остановиться и на фамилии Ихменевы. Семантика этой фамилии не очевидна, однако и она наводит на определенные размышления. Ф. М. Достоевский намеренно наделяет Николая Сергеевича Ихменева, бывшего управляющего имением Валковского, отца одной из главных героинь Наташи, документами, подтверждающими высокое происхождение его семьи: Ихменевы были дворянами еще при Иване Грозном,

род жены Николая Сергеевича – Шумиловы – упомянут в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. С. В. Сызранов, ссылаясь на книгу Б. О. Унбегауна «Русские фамилии», в устной беседе высказал предположение, согласно которому антропоним «Ихменев» – это преобразованная фамилия «Тихменев» (от «тихий»). И действительно поначалу Ихменевы ведут тихую патриархальную жизнь вдали от столицы и чувствуют себя вполне счастливыми. Однако по мере развития сюжета изначальный смысл фамилии начинает контрастировать с обликом ее носителя. Так, переехав в столицу, Николай Сергеевич из выдержанного и рассудительного человека превращается в неговорчивого и желчного старика. «...Нетерпеливый он такой стал здесь в Петербурге, крикун» ,– аттестует его Анна Андреевна. Сама же она «ходила как потерянная и сначала ничего сообразить не могла». Героиня вздыхала, трусилась и плакала, тоскуя по Ихменевке, то есть по тихой, спокойной жизни.

Сомнения вызывают попытки М.В. Поник интерпретировать в контексте изображенной в романе ситуации имя Николай, объясняя

поведение героя семантикой этого имени в сочетании с отчеством Сергеевич. Так, исследовательница замечает: «К сожалению, из-за обмана Валковского он переживает глубокий нравственный срыв. Личная обида заставляет страдать и его самого, и дорогих ему людей. И лишь когда под влиянием рассказа маленькой Нелли Ихменев наконец сознает, что ни родословная, ни осуществленное возмездие, ни капитал не сделают человека счастливым, совершается его духовный катарсис. Только преодоление гордыни, смирение перед судьбой и любовь, считает автор, приведут к торжеству добродетели. Сказанное подтверждается антропонимом действующего лица: Николай – от греческого «победитель народа», Сергей – от римского «высокий», «высокочтимый»».

Натяжкой представляется и объяснение характера жены Николая Сергеевича через семантику имени Анна и отчества Андреевна. «Анна Андреевна (Шумилова), - пишет М.В. Поник, – верная спутница жизни Ихменева. «...Женщина только добрая и ничего больше не умевшая, как только любить его», – заключает рассказчик. Эта характеристика вполне соотносится с ее именем (Анна – от др.-евр. «милостивая»). Однако общая атмосфера презрения к нравственным ценностям и священным евангельским обетам в больном мире романа накладывает отпечаток и на героиню. В отличие от Николая Сергеевича, охваченного грехом эгоизма и гордыни, его жена соблазняется деньгами. Именно поэтому она не хочет принимать Ивана Петровича в качестве зятя, ведь он «не граф, не князь, не владетельный принц или, по крайней мере, коллежский советник из правоведов, молодой, в орденах

красивый собою»» [Поник 2014: 45]. Решительность поведения героини в сцене возвращения Наташи в родительский дом Поник связывает с семантикой ее отчества (в переводе с греческого Андрей означает «мужественный», «отважный»), что тоже представляется излишне прямолинейным.

Объяснение характера персонажа через семантику имени применительно к роману не кажутся нам продуктивными еще и потому, что одно и то же носят в романе Достоевского носят разные персонажи, не имеющие ничего общего в своем внутреннем облике. Так имя Анна дано не только добродетельной и сердобольной матери Наташи, но и жестокой, циничной содержательнице притона Анне Трифоновне Бубновой, во власть которой попадает Нелли Смит. Правда верная своему методу анализа М.В. Поник и тут выходит из положения, объясняя, что «за «милостью» «плутовки» Анны Трифоновны (Анна – от др.-евр. «милостивая») скрывается только беспокойство о собственных доходах (Трифон – от греческого «роскошно живущий»)». Более убедительным кажется нам замечание Н.Н. Наседкина, который напоминает, что аналогичная героиня есть в первом романе Достоевского «Бедные люди» и ее тоже зовут Анной. Отсылки к роману «Бедные люди» в «Униженных и оскорбленных» многочисленны и их нельзя назвать случайными, может быть, поэтому эти произведения Достоевского традиционно упоминаются в едином контексте. Так, Н.Н. Наседкин отмечает: «И, видно, недаром мадам Бубнова – тезка Анны Федоровны из романа “Бедные люди”: она тоже промышляет сводничеством и для этого забрала к себе Нелли “на воспитание”» [Наседкин 1980: 45]. Обе героини имеют полную власть над несчастными сиротами, которых приютили будто бы «из милости, ради любви христианской».

Остановимся также на фамилии героини. Внутренняя форма фамилии Бубновой вызывает четкие ассоциации со словом «бубнить», которое у В. И. Даля означает «болтать без умолку и толку, барабанить». Напомним, в романе мадам Бубнова постоянно кричит, визжит, ругается «без запятых и без точек». В ситуации с Нелли, семантика поэтонима «обыгрывается» так же, как и в пословице «Хорошо звенят бубны, да плохо кормят». Между тем, согласно данным Р. Г. Гальпериной, в реальном Петербурге существовала некая Авдотья Никифоровна Бубнова, хозяйка одноэтажного дома на Петербургской стороне вблизи Малого проспекта. В этом районе Ф. М.

Достоевский неоднократно бывал у своей сестры А. М. Голеновской. Купеческую фамилию он мог знать и по Владимиру, и по Москве, где она была не менее известна, чем в Петербурге.

Трудно сказать, задумывался ли Достоевский над семантикой имен Наташи и Кати, героинь, оказавшимися в положении соперниц, однако в данном случае значение имен действительно совпадает с их внутренним обликом и судьбой. Имя Наталья происходит от латинского «родной», «отеческий». И действительно, в сюжетной линии «блудной дочери» Наташи очень важна тема отеческого дома и отеческого прощения. В итоге Наташа отпускает Алешу и, воссоединяясь с семьей, духовно возрождается в отчем доме.

Екатерина означает «чистая», «непорочная», об этом многократно писали интерпретаторы «Грозы» А.Н. Островского. Катя в романе «Униженные и оскорбленные» - «сильная и правдивая душа, сильная именно своей чистотой и правдивостью». Душевная чистота — действительно важная характеристика этой героини. Более дискуссионным представляется истолкование ее отчества и фамилии. М.В. Поник пишет: «Лишь детскость, доставшаяся Катерине Федоровне в виде Божьего дара (что зашифровано в ее отчестве), помогает не замечать жизненные тяготы и испытания. И это состояние ее «ангельской души», как предугадывает рассказчик, еще долго останется незамутненным. Страстная, врожденная любовь к добру и справедливости (с этим связана и фамилия Филимонова от греческого *phileo* – «любить») кажется одной из основных черт характера девушки, что, впрочем, сочетается с некоторым недостатком разума (в народе имя «Филимон», «Филя» – «синоним простака, разини, несообразительного человека»)). [Поник 2014: 67]. Убеждение М.В. Поник в том, что Достоевский в именах и фамилиях пытался что-то «зашифровать», на наш взгляд, спорно, тем более, что разгадка «шифра» оказывается излишне усложненной.

Сказанное не означает, что Достоевский не задумывался над семантикой имен и фамилий. Имена собственные во всех его произведениях далеко не случайны.

Один из аспектов употребления антропонимов связан с общим стилем и жанром произведения. По записным книжкам Достоевского можно проследить, как сильно его занимала проблема тона повествования. Принцип наименования персонажей в произведении, исполненном пафоса драматизма, обычно отличается от подхода к выбору антропонимов в произведении сатирическом или юмористическом. Уже по набору антропонимов мы можем в определенной степени судить о жанре. Произведения Достоевского являют собой сложный жанровый синтез, даже в романах-трагедиях присутствует комическое начало. Как пишет Г.К. Щенников, «"Униженные и оскорбленные" - переходный роман в творчестве Достоевского, так как сочетает в себе стиль ранних произведений писателя и черты будущих философский романов» [Щенников 2005: 86]. Роман отличается драматическим, а порой и мелодраматичеким звучанием, но это не исключает некоторых комических нот, которые ни в коей степени не определяют общую тональность.

Фамилии некоторых эпизодических персонажей комичны как в плане этимологии, так и с точки зрения звукового облика. Например, фамилия купца Сизобрюхова передает расхожие народные представления о купечестве, зафиксированные в знаменитом определении Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» - «купчина толстопузый». Облик молодого купца соответствует его комической фамилии: ««Один из них был очень молодой и моложавый парень, ещё безбородый, с едва пробивающимися усиками и с усиленно глуповатым выражением лица. Одет он был франтом, но как-то смешно: точно он был в чужом платье, с дорогими перстнями на пальцах, с дорогой булавкой в галстук и чрезвычайно глупо причёсанный, с каким-то коком. Он всё улыбался и хихикал» [Достоевский]. Ученые считают,

что этот молодой, сорящий деньгами купец, в какой-то степени может считаться комическим предшественником Парфена Рогожина.

В романе также комически обыграны немецкие фамилии. Излагая Ивану Петровичу горестную историю матери Нелли Смит, его приятель Маслобоев несколько раз переименовывает фамилию ее возлюбленного: « У старика была дочь, и дочь-то была красавица, а у этой красавицы был влюбленный в нее идеальный человек, братец Шиллеру, поэт, в то же время купец, молодой мечтатель, одним словом -- вполне немец, Феферкухен какой-то.

-- То есть это фамилия его Феферкухен?

-- Ну, может, и не Феферкухен, черт его дери, не в нем дело <...>

Бежала она, старик-то ее проклял да и обанкрутился. За нею в Париж потащился и Фрауенмильх, всё бросил и торговлю бросил; влюблен был уж очень.

-- Стой! Какой Фрауенмильх?

-- Ну тот, как его! Фейербах-то... тьфу, проклятый: Феферкухен! <...> Ну вот и поехала она с Феферкухеном. У того маленькие деньжонки были. Объехала она Швейцарию, Италию... во всех то есть поэтических землях была, как и следует. Брудершафт тоже ободрял ее и не рассуждал; Шиллера читали. Наконец, Брудершафт отчего-то скиснул и умер...

-- То есть Феферкухен?» [Достоевский]

В этом комическом переименовании немецкой фамилии проявляется не только забывчивость Маслобоева, но и его пренебрежительное отношение к романтическим увлечениям - «шиллеровщине» (родиной романтизма, как естественно считается Германия). Достоевский считал Шиллера, наряду с Байроном одним из символов романтизма, знаковой фигурой, хотя в строго терминологическом смысле художественная система Шиллера соответствует принципам романтизма не в полной мере.

Завершая исследование антропонимов в романе «Униженные и оскорбленные», нужно сказать еще о том, что к антропонимам можно отнести и фамилии реально существовавших личностей. В первую очередь, это Шиллер, который упоминается в произведении много раз. Шиллер становится символом с одной стороны, высоких стремлений души и в то же время мечтательности, прекраснотушия, незнания подлинной жизни.

Так, князь говорит Ивану Петровичу: «Алеша отбил у вас невесту, я ведь это знаю, а вы, как какой-нибудь **Шиллер** (здесь и далее выделено нами. - О.Д.), за них же распинаетесь, им же прислуживаете и чуть ли у них не на побегушках» [Достоевский 1972: 97]. В другом разговоре с рассказчиком Валковский откровенно признается: «А между прочим, я хотел объяснить вам, что у меня именно есть черта в характере, которую вы еще не знали, -- это ненависть ко всем этим пошлым, ничего не стоящим наивностям и пасторалам, и одно из самых пикантных для меня наслаждений всегда было прикинуться сначала самому на этот лад, войти в этот тон, обласкать, ободрить какого-нибудь вечно юного **Шиллера** и потом вдруг, сразу огорошить его; вдруг поднять перед ним маску и из восторженного лица сделать ему гримасу, показать ему язык именно в ту минуту, когда он менее всего ожидает этого сюрприза» [Достоевский 1972: 123]. Про Шиллера упоминает и Маслобоев, рассказывая историю матери Нелли: «У старика была дочь, и дочь-то была красавица, а у этой красавицы был влюбленный в нее идеальный человек, **братец Шиллеру**, поэт, в то же время купец, молодой мечтатель, одним словом - вполне немец, Феферкухен какой-то» [Достоевский 1972: 89]. «Братцем Шиллеру» в какой-то степени можно назвать и прекраснотушного Ивана Петровича, и слабовольного Алешу. Роман «Униженные и оскорбленные» написан после возвращения с каторги, когда писатель пересматривает свое мировоззрение. Обращаясь к прошлому, он казнит свое прекраснотушие сороковых годов, что сказывается на трактовке образов Алеши и Ивана Петровича и проявляется, в частности в том, какие коннотации приобретает антропоним Шиллер.

Упоминание Шиллера интересно еще в одном отношении. Мы говорили о том, что имена в романе нередко оказываются знаком, отсылающим к другим текстам. Частое упоминание имени Шиллера заставляет нас вспомнить произведения немецкого писателя, в частности драму «Коварство и любовь».

Итак, антропонимы в романе «Униженные и оскорбленные» акцентируют интертекстуальные связи, косвенно характеризуют персонажей с точки зрения их психологии и социальной принадлежности.

ГЛАВА 3

ТОПОНИМЫ В РОМАНЕ «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Описываемые в романе события происходят в Петербурге. Писатель стремился к точному воспроизведению топографии северной столицы. Вознесенский проспект (ныне - проспект Майорова), Большая Морская (улица Герцена), Гороховая (улица Дзержинского), Шестая линия Васильевского острова, Шестилавочная улица (ныне - улица Маяковского), Литейный проспект, Фонтанка, Семеновский, Вознесенский, Торговый мосты и т. д. - все это исторически конкретные приметы Петербурга, который изображен как типичный большой город той эпохи с присущими ему социальными противоречиями и контрастами. Здесь "самый главный князь Ротшильд", символизирующий власть денег, определяет человеческие судьбы и отношения.

История Нелли позволила Достоевскому изобразить петербургские трущобы и притоны с их обитателями, жизнь городского социального "дна", где господствуют нищета, болезни, пороки, преступления. "Маленький человек", затерявшийся в этом страшном мире, обречен на нищету, позор, физическую и нравственную гибель. "Мрачная это была история, -- так характеризует Иван Петрович судьбу Нелли, -- одна из тех мрачных и мучительных историй, которые так часто и неприметно, почти таинственно, сбываются под тяжелым петербургским небом, в темных, потаенных закоулках огромного города, среди взбалмошного кипения жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересов, угрюмого разврата, сокроенных преступлений, среди всего этого крошечного ада бессмысленной и ненормальной жизни..."

Выразительные антропонимы соотносятся в романе с системой топонимов, что придает ему документальный характер.

Действие романа начинается в кондитерской Миллера на Вознесенском проспекте, который одним концом упирается в Фонтанку, другим – в Адмиралтейство, пересекая Мойку и Екатерининский канал. В середине XIX века этот район быстро застроился доходными домами "под жильцов". Этот дом Достоевский, по-видимому, имел в виду, когда описывал в «Униженных и оскорбленных» кондитерскую Миллера на Вознесенском проспекте. В то время на Вознесенском была единственная кондитерская – Миллера, и находилась она как раз в этом самом доме.

«Посетители этой кондитерской большею частью немцы. Они собираются сюда со всего Вознесенского проспекта – все хозяева различных заведений: слесаря, булочники, красильщики, шляпные мастера, седельники – все люди патриархальные в немецком смысле слова. У Миллера вообще наблюдалась патриархальность. Часто хозяин подходил к знакомым гостям и садился вместе с ними за стол, причем осушалось известное количество пунша. Собаки и маленькие дети хозяина тоже выходили иногда к посетителям, и посетители ласкали детей и собак. Все были между собою знакомы, и все взаимно уважали друг друга. И когда гости углублялись в чтение немецких газет, за дверью, в квартире хозяина, трещал августин, наигрываемый на дребезжащих фортепьянах старшей хозяйской дочкой, белокуренькой немочкой в локонах, очень похожей на белую мышку. Вальс принимался с удовольствием». Здесь умер Азорка, собака старика Смита – дедушки Нелли. Неподалеку отсюда, под забором строящегося дома в переулке упал обессиленным и умер сам Смит.

Перед смертью он сказал Ивану Петровичу загадочные слова о Шестой линии Васильевского острова. Подчиняясь некому иррациональному велению, он, не зная конкретного адреса, отправляется на Шестую линию. Оказавшись в квартире покойного, он оставляет ее за собой. На столе опустевшей квартиры он обнаруживает две книги: «краткую географию и Новый завет в русском переводе, исчерченный карандашом на полях и с

отметками ногтем». «Большой дом», в котором квартировал почивший, ввиду его перенаселённости, невзначай будет назван Ноевым ковчегом. Сам же Смит, как выяснится после того, как в ящике стола обнаружится его паспорт, был назван именем чуть ли не самого гневливого из ветхозаветных пророков – Иеремией. Таким образом, мы видим, что топонимы и антропонимы определенным образом связаны. В обоих случаях можно говорить о библейских аллюзиях.

На Шестой линии Васильевского острова оказалась «прописана» и вершительница девичьих судеб Бубнова. Старший брат Федора Тимофеевича Нечаева – деда Достоевского по материнской линии – Был петербургским купцом, имел сыновей и дочерей. И жила эта семья, по архивным данным, на Шестой линии. После смерти отца судьба сестер Достоевских (Вари и Саши) зависела от сестры их покойной матери, Александры Федоровны Нечаевой, выдававшей сестер замуж из своего дома. Исследователи петербургской топографии Достоевского даже не могут сойтись в мнении, какой именно дом в 6-й линии имеется в виду. Г.А.Федоров считает, что это дом Шмидта, почти у самого Малого проспекта, Р.Г.Гальперина - что дом Демидовых, наоборот, на углу Большого проспекта. Последнее мнение входит в противоречие с показанием текста: "Мы шли долго, до самого Малого проспекта".

На Васильевском острове поселил Достоевский и стариков-Ихменевых: «На Васильевском острове он выпускает меня из кареты, - замечает рассказчик, - и я бегу к нашим. Вот и Тринадцатая линия, вот и их домик». 12—13-я линии Васильевского острова — улица в Василеостровском районе Санкт-Петербурга. Проходит от набережной Лейтенанта Шмидта до набережной реки Смоленки. В начале XVIII века многие проезды Санкт-Петербурга назывались линиями, поскольку имели один ряд (одну линию) домов. В основном это были набережные рек и каналов. В «Описаниях российского императорского города Санкт-Петербурга» немецкий путешественник И. Г. Георги пишет: «Каждая из сих улиц разделяется в

середине небольшими досками обкладенным каналом на две улицы; ряд домов в каждой из таких улиц называется линией, в коих в каждой улице по две.» Первое упоминание линий на васьильевском острове относятся к 1710-м годам. По указу от 26 апреля 1767 года каналы были засыпаны, и получились обыкновенные проезды, однако стороны одной улицы сохранили разные номерные названия.

Жилье Наташи «на Фонтанке, у Семеновского моста, в грязном “капитальном” доме купца Колотушкина, в четвертом этаже» тоже прочно привязано к петербургской реальности. Купец Абрам Дмитриевич Колотушкин действительно владел домом на Фонтанке. У него нанимал квартиру друг юности писателя И. Н. Шидловский, там же в свое время проживала и знаменитая балерина А. И. Истомина, на какой-то период туда заселился и М. А. Достоевский с сыновьями. Писатель не случайно помещает Наташу в доме, связанном с именем известной танцовщицы, упомянутой в романе «Евгений Онегин», ведь дом Колотушкина располагается вблизи дома А. Н. Оленина, где А. С. Пушкин познакомился с А. П. Керн. Любовная история поэта, как считает С.В. Белов, косвенно спроецирована на взаимоотношения Наташи с Алешей.

Еще один конкретный петербургский топоним — Шестилавочная. Маслобоев рассказывает Ивану Петровичу: «-Вот что, Ваня <...> наведайся-ка ты сегодня ко мне в семь часов, так я, может, кой-что и скажу тебе. Одино-то я, видишь ли, ничего не значу; прежде значил, а теперь только пьяница и удалился от дел. Но у меня остались прежние сношения; могу кой о чем разведать, с разными тонкими людьми перенюхаться; этим и беру; правда, в свободное, то есть трезвое, время и сам кой-что делаю, тоже через знакомых... больше по разведкам... Ну, да что тут! Довольно... Вот и адрес мой: в Шестилавочной. А теперь, брат, я уж слишком прокис. Пропущу еще золотую, да и домой. Полежу. Придешь -- с Александрой Семеновной познакомлю, а будет время, о поэзии поговорим». Шестилавочная улица

находилась в Литейной части Петербурга; ей соответствует нынешняя ул. Маяковского. Улица была проложена в первой половине XVIII века, первоначально именовалась Средней Перспективой и шла от Кирочной улицы до улицы Жуковского (тогда Итальянской).

Ресторан, в котором происходил важный для концепции романа разговор Ивана Петровича с князем Валковским, тоже реально существовал.

«- Дело в шляпе. В Большую Морскую, к Б.

- В ресторан? - спросил я с некоторым замешательством».

В последней четверти XIX века в доме №16 работал ресторан Бореля, известный тогда своими высокими ценами. Современники утверждали, что на потраченные в этом заведении деньги можно было кормить целую деревню. Самого Бореля давно не существовало, но его последователи хранили традиции основателя. В прислуге работали татары, простых голубей в ресторане называли "пижонами", а воробьёв "бекасами". Позже в этом помещении располагались "Парижское кафе" и "Парижский ресторан", более известные по фамилии своего владельца Кюба.

Несколько раз в романе упоминаются мосты. Мост - это вообще важная, порой символическая деталь в романах Достоевского, которую можно истолковать, в частности, в мифопоэтическом ключе. Однако частое упоминание мостов связано и с конкретными петербургскими реалиями.

В романе упоминается два моста — Вознесенский и торговый. В частности, на Вознесенском мосту Иван Петрович видит Нелли.

Вознесенский мост — соединяет Казанский и Спасский острова через канал Грибоедова в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга. Уже в 1735 на этом месте существовал деревянный мост. К 1790 году, когда было завершено строительство гранитных набережных на этом участке Екатерининского канала, мост имел каменные, облицованные гранитом устои, но деревянный балочный пролёт. Его длина составляла 12 м, ширина

— 10,8 м. Таким Вознесенский мост сохранялся на всём протяжении XIX века.

Торговый мост — соединяет Коломенский и Казанский острова через Крюков канал в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга. Торговый мост с момента постройки не перестраивался. История моста состоит из ремонтно-восстановительных работ и капитальных ремонтов разных элементов моста. Построен в 1783—1785 по типовому для мостов этой части города проекту: трёхпролётный деревянный мост на облицованных гранитом опорах бутовой кладки, центральный пролёт разводной, боковые — балочные. Торговый мост сохранил исторический облик до настоящего времени, регулярные ремонтные работы не затронули его архитектурного оформления, которое осталось в своём первоначальном виде.

Безусловно, «Униженные и оскорбленные» - перебургский роман, но не все топонимы, встречающиеся в тексте, связаны с Петербургом. Полному бед и разочарований существованию Ихменевых в Петербурге противопоставлена из счастливая жизнь на лоне природы в имении Васильевском. Тут можно увидеть переключку названий: Васильевка — Васильевский остров. С одной стороны – Золотой век в эдемском саду, с другой – «бред и кошмар» на «груде мертвых камней».

Наконец, последний топоним, о котором хочется сказать, - это Пермь. Пермь, по всей видимости, воспринимается рассказчиком как какое-то очень далекое место. Таким образом подчеркивается, что Иван Петрович вряд ли когда-нибудь встретится с Ихменевыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав топонимы и антропонимы в романе «Униженные и оскорбленные» мы увидели, что подход к выбору имен собственных в этом произведении в целом характерен для творческого почерка писателя.

В романе нет говорящих фамилий в строгом смысле этого слова. Семантика большинства антропонимов завуалирована, но может быть прочитана в процессе пристального рассмотрения, при этом допуская различные толкования. Например, фамилия Валковский вызывает ассоциацию с волком в овечьей шкуре, так как этот персонаж является собой «злодея под маской добродетели».

В определенной степени фамилии персонажей соотнесены с их социальным статусом. Например, нетрудно догадаться, что Валковский — дворянин, а Сизбрюхов — купец.

В ряде случаев характер персонажа коррелирует со значением его имени в переводе с греческого или латинского языков (например, имя Наталья происходит от слов «родной», «отеческий», имя Екатерина — «чистая», «светлая», что соотносится с характерами и судьбами этих героинь), но такой подход к соотношению характера персонажа и его имени нельзя абсолютизировать, так как одним именем иногда наделены совершенно разные герои.

Очень важна в романе «Униженные и оскорбленные» интертекстуальная функция имени. Имя оказывается знаком, отсылающим нас к другим текстам. Так, имя Нелли заставляет вспомнить «Лавку древностей» Диккенса, а имя Иван Петрович — «Повести Белкина» А.С. Пушкина.

Есть в романе пример и двойного антропонима: Нелли — Елена, смена имени становится в процессе развития сюжета важной психологической вехой, поверив Ивану Петровичу, ожесточенная против всего мира девочка, разрешает именовать себя так, как это делала ее мама, тем самым открывая

перед ним свою внутреннюю суть.

Упомянуты в романе и имена реально существовавших людей, в частности, Шиллера. Имя немецкого романтика становится символом, с одной стороны, высоких стремлений души, с другой - прекраснотушия, незнания подлинной жизни.

Некоторые имена создают комический эффект, усложняя общий эмоциональный тон повествования. Например, трагикомична сцена, когда Маслобоев, рассказывая горестную историю матери Нелли Смит, постоянно переименовывает фамилию ее возлюбленного: Феферкухен - Фрауенмильх - Фейербах - Брудершафт, тем самым демонстрируя презрение к «шиллеровщине».

Топонимов в романе достаточно много, и все они связаны с петербургскими реалиями. Достоевский поселяет своих героев в места, так или иначе связанные с его собственной биографией. В романе есть только два топонима, не связанные с Петербургом — это Васильевка и Пермь. Название имения Ихменевых Васильевка, где они были когда-то счастливы, соотнесено с местом их нового пребывания — Васильевским островом. Пермь подается как место, очень далекое от Петербурга. Тем самым подчеркивается мысль о том, что Ихменевы и Иван Петрович вряд ли когда-нибудь встретятся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаренко Н.А. Особенности метафоризации художественного пространства в романах Ф. М. Достоевского // Социально-экономические явления и процессы. 2012. №5-6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-metaforizatsii-hudozhestvennogo-prostranstva-v-romanah-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 26.04.2018).
2. Альтман, М. С. Достоевский по вехам имен /М. С. Альтман. - Саратов, 1975. - 412 с.
3. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Петербург Пушкина. – М.: БММ, 2014. – 400 с.
4. Анциферов Н.П. Непостижимый город. – СПб: Лениздат, 1991 – 343 с
5. . Баханов, Б. На разломе: Достоевский и Толстой / Б. Баханов // Москва. - 2005. - № 11. - С. 148-156
6. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского /М. М. Бахтин. - М. 1972. – 349 с
7. Белов, С. В. Федор Михайлович Достоевский [Текст]: кн. для учителя / С. В. Белов. - М.: Просвещение, 2004. - 208с.
8. Бем, А. Л. Достоевский – гениальный читатель. / А. Л. Бем // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С. Г. Бочарова. – М., 2001. – С. 35-57.
9. Бочаров, С. Бахтин-филолог: книга о Достоевском: [о критике Гаспаровым теорий Бахтина о Достоевском] / С. Бочаров // Вопр. лит. - 2006. – №2. – С. 48-67.

10. Буданова Н.Ф. Униженные и оскорбленные // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб. 2008. С. 181—185.
11. Бурсов Б. И. Личность Достоевского: Роман-исследование. Л., 1979. 680 с.
12. Веселова Н. А. Имя в жизни и в литературе // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. Вып. 4. Тверь, 1998. - С. 30-36
13. Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. № 5, 1954. С. 3-27
14. Даниленко О. Д. Социальные и философские символы в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 89-94.
15. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 235
16. Достоевский: эстетика и поэтика [Текст]: Словарь-справочник / Под ред. Г. К. Щенникова. – Челябинск: Металл, 1997. – 272с. – (Достоевский и русская культура).
17. Захаров В. Н. Имя автора -Достоевский. М., 2013. 456 с.
18. История русской литературы XIX века. В 3-х частях. /Ред. Коровин В.И. - М.: 2005; Ч.3 - 543с.
19. Ковалев, О.А. Формулы всезнания, чтение мыслей и ответный взгляд у Достоевского. Статья первая/О.А. Ковалев//Филология и человек. 2007. № 3.
20. Ма Вэнбин. Антропомика романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" как художественная система. - Москва — 2015

21. Ма Вэньин. Образ Петербурга в романе «Преступления и наказания» // Актуальные проблемы современной науки. М., 2014, №6. С. 50-51.
22. Ма Вэньин. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете художественной антропонимики (итоги и задачи изучения) //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - Краснодар, 2014. -№ 1. -С. 372-375.
23. Мильдон, В. От Раскольниково к Смердякову: два закона философской антропологии Ф.Достоевского / В. Мильдон // Октябрь. – 2007. – № 9. – С. 161-166.
24. Михайловский Н. К. Жестокий талант // Михайловский Н. К. Литературнокритические статьи. М., 1957. 578 с.
25. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В. М. Толмачева; Примеч. К. А. Александровой. — М.: Изд-во «Республика», 1995. — С. 1—60, 574—576.
26. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе [Текст]: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / В. В. Набоков; Пер. с англ. А. Курт; Авт. предисл. Ив. Толстой. – М.: Независимая Газета, 1999. – 440с. – (Лекции по русской литературе).
27. Назиров Р.Г. Трагедийное начало в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» //Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 21-36.
28. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь. М.: Наука, 1977.
29. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. – М., 2004 – 464 с. р
30. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 7. С. 951—952.

31. Якушин, Н. И. Ф. М. Достоевский в жизни и творчестве: Учеб. пособ. для школ, гимназий, лицеев и колледжей / Н. И. Якушин. – М.: Русское слово, 2002. – 128 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Набережная Фонтанки, 103. Был перестроен в 1911 году.

Вознесенский проспект, 22

Шестилавочная улица находилась в Литейной части Петербурга; ей соответствует нынешняя ул. Маяковского. Улица была проложена в первой половине XVIII века, первоначально именовалась Средней Перспективой и шла от Кирочной улицы до улицы Жуковского (тогда Итальянской).

Ресторан Бореля на Большой Морской:

Большая Морская, 16:

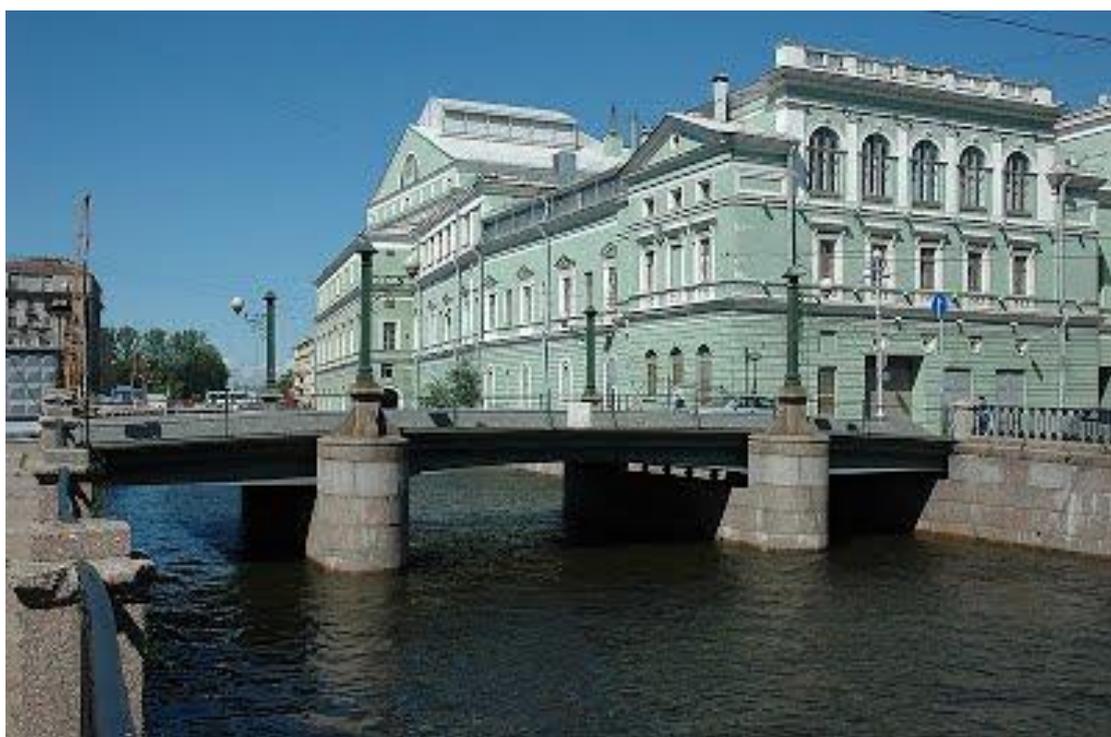
На сегодняшний день в этом здании расположен ресторан Bouch

Вознесенский мост:

Торговый мост:

13-я линия ВО:

